

حول مفهوم المفردات القديمة في اللغة الروسية

م . ايمان عويد محمد

جامعة بغداد/كلية اللغات/قسم اللغة الروسية

الملخص

ان القواميس الروسية-الروسية تحتوي الكثير من المفردات القديمة التي استعملت في النتاجات الادبية الرائعة للكثير من الكتاب الروس منذ القرن التاسع عشر وفي مقدمتها قاموس اوجيكوف .في بحثنا هذا لاحظنا ان المفردات القديمة في اللغة الروسية تنقسم الى مجموعتين اساسيتين هما :

المجموعة الاولى : المفردات القديمة الغير مستعملة او المفردات الغريبة التي ليس لها مرادف مكافئ في القواميس اللغة الروسية-الروسية .

المجموعة الثانية : المفردات التاريخية القديمة المستعملة وتتضمن المفردات التي لها مكافئ في قواميس اللغة الروسية-الروسية

هنالك مفردات اندثرت ولم تعد تستعمل في اللغة واستعملت عوضا مفردات اخرى تحتفظ بمعناها وكذلك في وقتنا الحاضر تستعمل مثل هذه المفردات القديمة التي تنتسب الى المجموعة الثانية حيث لاحظنا استعمالها في النتاجات الادبية الكلاسيكية والتي لها صدى واسع من القراء .

О ПОНЯТИИ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Препод. Иман Уваид Мухаммед

БАГДАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ - ФАКУЛЬТЕТ ЯЗЫКОВ-
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский литературный язык к исходу XIX века - началу XX века приобрел все качества достаточно нормализованного, многожанрового и стилистически многообразного, то есть стилистически свободного языка. В нем наблюдается большая дробность социально-речевых разновидностей: мещанская, купеческая, городская, диалектная, церковно-славянская. Все эти разновидности речи присутствуют на страницах книг А.П. Чехова.

Все лексически устаревшие слова распадаются на две большие группы:

1. Лексические историзмы.
2. Лексические архаизмы.

В свою очередь, лексические архаизмы тоже распадаются на две группы:

1. Лексические архаизмы, имеющие неоднокоренные синонимы в активном словарном запасе.
2. Лексические архаизмы, имеющие однокоренные синонимы в активном словарном запасе (это лексико-фонетические, лексико-словообразовательные и лексико-морфологические архаизмы).

Обзор некоторых теоретических положений позволяет сделать вывод о том, что несмотря на, казалось бы, широкую изученность устаревшей лексики, до сих пор остается много открытых вопросов.

О понятии устаревшей лексики в русском языке

В эпохи общественных переломов и социальных сдвигов общественная жизнь всегда характеризуется напряженным и ускоренным развитием. Являясь вехами в истории народа, эти эпохи образуют и своеобразные вехи в истории языка.

В 1974 г. С.И. Ожегов писал: «Словарный состав русского языка второй половины, а особенно конца XIX и начала XX века, почти не изучен. О развитии лексики этого периода имеются только самые общие представления». [Ожегов, 1974: 55-56] Именно на этот период приходится творчество А.П. Чехова.

Это было время роста рабочего, революционного движения и неустойчивости уходящих в историю социальных слоев общества, не охваченных этими движениями. Особый пласт представляла собой массовая городская речь конца XIX – начала XX века, которую сегодня можно назвать языком старой Москвы, носителем которого являлся и А.П. Чехов. Необходимо учесть то, что многие лексические элементы старого городского просторечия не только использовались в художественной литературе с различными стилистическими задачами, но и были семантически преобразованы или стилистически нейтрализованы и в этом виде вошли в речь современной интеллигенции.

«Неизученность» старого городского просторечия и «сниженной лексики» вообще приводит, по мнению Ожегова, к полному искажению исторической перспективы. Он утверждал, что А.М. Селищев неправомерно относил к словам языка деревни, фабрики, низших городских слоев такие слова, как «склока», «лодырничать», «зряшный», «зря», «подстегнуть» (перен.), «ляпнуть» (перен.), «растранжирить» [Селищев, 1928].

Действительно, многие из них не только в предреволюционное время, но даже еще в XIX веке были в употреблении интеллигенции, то есть в стилистически окрашенном составе лексики литературного языка. С.И. Ожегов период со второй половины XIX века по XX век называет периодом, в котором получает развитие русский язык нового времени [Ожегов, 1974: 332], и подвергает сомнению традиционное представление о современном русском языке, как о языке А.С. Пушкина, дошедшего до наших дней. Однако язык этого нового времени не может рассматриваться как целостная синхронная система так же, как и любой период развития языка, включая сегодняшний.

Русский литературный язык к исходу XIX века - началу XX века приобрел все качества достаточно нормализованного, многожанрового и стилистически многообразного, то есть стилистически свободного языка. В нем наблюдается большая дробность социально-речевых разновидностей: мещанская, купеческая, городская, диалектная, церковно-славянская. Все эти разновидности речи присутствуют на страницах книг А.П. Чехова.

Неоднозначным является само понятие устаревшей лексики. Е.В. Ковалева, рассматривая устаревшую лексику в художественных произведениях, разграничивает устарелую и устаревшую к настоящему времени лексику. [Ковалева. 1996: 4]. К устарелой, по ее мнению, относятся слова, бывшие устаревшими уже во время создания художественного произведения. Она составляет особый пласт в системе современного русского языка.

Кроме того, Е.В. Ковалева деление устаревшей лексики на историзмы и архаизмы считает неправомерным. Эта позиция аргументируется следующим образом: «Если историзация лексических единиц проходит исключительно под влиянием экстралингвистических

факторов, то архаизация слов может происходить под влиянием экстралингвистических и лингвистических причин» [Ковалева, 1996: 5].

Ею дана следующая классификация устаревшей лексики на основе лексического и семантического устаревания.

Все лексически устаревшие слова распадаются на две большие группы:

3. Лексические историзмы.
4. Лексические архаизмы.

В свою очередь, лексические архаизмы тоже распадаются на две группы:

1. Лексические архаизмы, имеющие неоднокоренные синонимы в активном словарном запасе.
2. Лексические архаизмы, имеющие однокоренные синонимы в активном словарном запасе (это лексико-фонетические, лексико-словообразовательные и лексико-морфологические архаизмы).

Есть мнение, согласно которому необходимо вообще исключить историзмы из разряда устаревших слов на том основании, что низка их частотность и что определенная их часть в современном языке имеет архаические варианты [Шестакова, 1999]

На наш взгляд, единственно, почему можно было бы не включать историзмы в разряд устаревших слов, так это потому, что многие историзмы сохраняют свою номинативную функцию и в силу важности их значения в истории народа способны употребляться без особых стилистических условий.

С точки зрения семантики все устаревшие слова делятся на:

1. Семантические историзмы.
2. Семантические архаизмы.

Наиболее сложно выделить из общего пласта архаичной лексики семантические архаизмы. В.Г. Вербицкая справедливо обращает внимание на то, что «связи между устаревшим словом и современным языком могут идти по двум линиям: либо через слово как звуковой комплекс, либо через понятие» [Вербицкая, 1958:116-117].

Возникновение семантических архаизмов обусловлено тем, что в современном языке есть и данное понятие, и обозначавшее его раньше слово, но они разошлись: слово получило новое значение, а старое понятие – новое название, то есть произошло лексико-семантические перераспределение. Это приводит к тому, что в современном языке им соответствуют аналогичные звуковые комплексы с совершенно иной семантикой. Таким образом, семантические архаизмы – это многозначные слова, противопоставленные по признаку устарелости другим лексико-семантическим вариантам, входящим в семантическую структуру слова. Известно, что характер самих значений исторически изменчив.

Приметы семантической архаики, как и семантического развития, обнаруживаются в разной степени и в разных формах.

Словарные изменения обычно заметны в переломные моменты истории. Процесс архаизации слов касается преимущественно области общественных и политических отношений в связи с потребностью переименования или переосмысления чего-либо в силу появляющейся идеологической маркированности. Что касается процесса историзации, то он происходит в связи с исчезновением предметов и явлений прошлого быта.

Процессы выхода устаревающей и устаревшей лексики (историзмов и архаизмов) сменяются процессами, приводящими к возвращению некоторых бывших архаизмов и вхождению их или только их значений в активный состав словаря. В истории русского языка такие процессы

неоднократно происходили и происходят сегодня. Можно назвать по крайней мере два периода возвращения дореволюционной лексики: 30 – 40-е годы и 80 – 90-е годы XX века .

Такое положение вещей делает типологизацию архаичной лексики чрезвычайно сложной. Кроме того, отсутствуют научно обоснованные критерии отграничения архаизмов от других типов слов (высокое, поэтическое и т.д.); не разработаны квалификационные признаки конкретных разрядов архаической лексики. Именно из-за этого происходит либо описание только ядерной части лексики в словарях, либо дается неверная квалификация отдельно взятых архаизмов.

Переход отдельных языковых элементов в разряд малоупотребительных слов порождает такое явление, как архаизация. Это явление универсально, то есть свойственно как многим языкам, так и всем уровням языка. Е.Г. Михайлов считает, что «архаизм – это особая лингвистическая категория..., которая может быть определена ... как проявление диахронии в синхронном состоянии языка» [Михайлова, 1987: 4].

В языкознании архаизмы рассматривались как на фонетическом [Н.М. Шанский, 1954, 1972; Рогожникова, 1967; Ломов, 1982 и др.], так и на синтаксическом [Балли, 1961; Гулыга, 1937] уровнях.

Сложность состоит в том, что архаизм в языке обладает двойственной отнесенностью: к синхронии и к диахронии. Однако особый языковой статус он получает только в синхронном состоянии языка, поскольку в предшествующие эпохи, как и в последующие, может занимать нейтральное положение.

В диахронии архаизм представляет собой застывшую, неизменную форму, утратившую вариативные отношения, связывающие ее с современной системой языка, и вытесненную за пределы ее

параллельными формами в результате процесса замещения. В синхронном аспекте мы имеем дело с объектом, в пределах которого существуем сами. До сих пор спорным остается вопрос о системности архаизмов. Одни подчеркивают их бессистемный характер [Смирницкий, 1954; Попов, 1976]. Другие, напротив, указывают на связь архаизмов с элементами современной языковой системы, где архаизмы всегда стилистически маркированы. В работе Е.Г. Михайловой очень хорошо показано, что «системный аспект изучения архаизмов самым тесным образом связан с психолингвистическим аспектом» [Михайлова, 1987: 5]. Это происходит потому, что особая контрастность архаизмов имеет психолингвистическую основу. Кроме маркированности в сознании говорящих, архаизмы обладают относительной устойчивостью, что дает им возможность сохранять отношения контрастности относительно других элементов языка или относительно других элементов высказывания при функционировании в речи в течение определенного времени.

Довольно часто разнородные лексические единицы объединяют в одну группу «устарелых» слов. К «устарелым» относят, например, слова «щепетильный» в значениях «галантерейный», «парфюмерный», известные еще в классической литературе XIX века, но теперь, по свидетельству Р.Р. Гельгардта, никогда не используемые и вышедшие из речевого обихода настолько, что «большинство людей нашего времени ничего о них не знает» [Гельгардт, 1968: 60]. Причину такого объединения он видит в «недостаточной связи лексикографии и стилистики».

Современные значения прилагательного «щепетильный» зафиксированы в словарях русского языка как:

1. строгий, до мелочей принципиальный в отношениях с кем-либо или по отношению к чему-либо человек.
2. требующий осторожного и тактичного отношения.

Значение «имеющий отношение к галантерии и парфюмерии» уже нельзя рассматривать как разновидность значения одного многозначного слова [БТС, 2004]. Перед нами две разные лексемы, причем одна из них чужда современному лексическому составу словаря.

Часто устарелыми наряду с явными архаизмами называют живые лексические единицы типа «благодать», «ложе», «медоточивый», «откушать» и др., хорошо понятные, как считает Р.Р. Гельгардт, всем говорящим на современном русском литературном языке, хотя и редко употребляемые. В качестве примера Р.Р. Гельгардт приводит слово «ревнитель» в произведениях современной публицистики [Гельгардт, 1968: 59].

Таким образом, можно сказать, что субъективные представления об устарелости слова или какой-либо грамматической формы достаточно широко распространены.

Расходятся мнения и при оценке слов, когда их устарелость сравнительно невелика и не слишком очевидна. Справедливо мнение Р.Р. Гельгардт о том, что применение «количественного критерия может создать лишь иллюзию научной объективности, поскольку малая частотность употребления слова не есть верный показатель его устарелости» [Гельгардт, 1968: 60].

Признание устарелости слова указывает на его тенденцию к выходу за пределы данного синхронного состояния словаря.

Субъективные представления об устарелости слова или какой-либо грамматической формы распространены значительно шире, чем принято думать. Например, А.П. Чехов считал устарелыми слова «пошлость» и «пошло», - свидетельствует Р.Р. Гельгардт [Гельгардт 1968:61]. Об «устарелости» слова «деликатный» писала М. Цветаева, хотя оно и сегодня

все ещё, к счастью, находится в активном запасе словаря говорящих [Цветаева 1967:132].

Признак «устарелости» иногда соединяется не с самой лексемой как знаковой единицей языка, а с предметом, с явлением действительности, называемым данным словом и исчезнувшим из современной жизни или осознаваемым как несовместимое с основами культуры цивилизованного общества.

Несмотря на давний интерес к устаревшей лексике, до сих пор у лингвистов нет единого мнения о том, считать ли историзмы фактами современного состояния языка, находящимися на его периферии, или фактами, вышедшими за пределы языка и, следовательно, выпавшими из его лексической системы.

Нет четкости и в установлении исторических границ при отнесении слов к архаизмам, то есть до сих пор остается неустановленным, относить ли к архаизмам слова, вышедшие из употребления, например, только в XX веке или в XIX веке, со времен А.С. Пушкина или более раннего периода. Также до сих пор остается невыясненным, следует ли относить к архаизмам слова, переставшие употребляться, но встречающиеся в текстах классической литературы, которая и сегодня имеет массового читателя.

На эти нерешенные вопросы указывал еще А.Н. Гвоздев [1955], однако они не решены и сегодня. Единственно, в чем наблюдается полное единодушие исследователей, так это в том, что устаревшая лексика находится за пределами активного словарного запаса говорящих, а значит, на периферии языка и речи.

Традиционно в понятие «пассивный запас языка», который представляет собой периферию языковой лексической системы, вводят и

так называемую устаревшую лексику. В лексикографическую теорию и практику это понятие ввел Л.В. Щерба. К пассивному запасу он относил слова, которые стали менее употребительными и круг использования которых сузился.

Несмотря на достаточно широкую разработанность вопроса, до сих пор нет однозначного ответа, что включать в это понятие, поскольку до сих пор нет четких критериев выделения устаревших, а сегодня еще и «устаревающих» слов (недавно появившийся термин).

В современном языкознании существуют несколько точек зрения по поводу понятия «пассивный словарный запас языка». Одни ученые считают, что в это понятие необходимо включать часть словарного состава языка, состоящую из лексических единиц, употребление которых ограничено особенностями означаемых ими явлений (названия редких реалий – историзмы, термины, имена собственные) или лексические единицы, известные только части носителей языка (архаизмы, неологизмы), используемые только в отдельных случаях функциональных разновидностей языка (книжная, разговорная и другая стилистически окрашенная лексика) [Аропов, 1990: 273]. Такое же понимание пассивного лексического запаса высказано А.А. Реформатским, Д.Э. Розенталем, Б.П. Баранниковой, М.А. Теленковой и другими исследователями.

Другие утверждают, что пассивный словарь – это «часть словарного состава языка, понятная всем владеющим данным языком, но малоупотребительная в живом повседневном общении, <...> пассивный словарь составляют устаревшие или устаревающие, но не выпавшие из словарного состава языка слова, многие неологизмы, которые еще не вошли в привычное словоупотребление» [Сороколетов, 1979:199]. Такое понимание пассивного словарного запаса языка поддерживается Н.М. Шанским, М.И. Фоминой и др.

Существует еще одно мнение по этому поводу. Оно основывается на разграничении понятий «язык» и «речь». Понятия «активный» и «пассивный» словарь относятся не к языку, а к речи, то есть к языковой деятельности индивидов, поэтому «активные и пассивные словари» разных людей, относящихся к разным общественным группам, профессиям, к разным местностям, могут и не совпадать [Ардентов, 1970:219].

Н.М. Шанский предупреждает о том, что пассивный словарный запас языка «не следует путать с пассивным запасом слов того или иного носителя, зависящим от его профессии, образования, повседневной работы и т.д.» [Шанский, 1972:142].

Как отмечает З.Ф. Белянская, «нечеткое разграничение явлений языка и речи сказалось на отнесении Л.А. Булаховским к пассивному словарному составу языка слов специального употребления, архаизмов, неологизмов, диалектизмов и многих заимствований, А.А. Реформатский еще включил сюда экспрессивные выражения» [Белянская, 1978:13].

Некоторые ученые вообще отказались от термина «пассивный словарь». Так, П.Я. Черных считал, что «правильно было бы говорить о разной степени активности слов и периферии действующего словаря», то есть о словах, «которыми говорящие пользуются в разговоре о чужих и чуждых их повседневному быту предметах мысли» [Черных, 1956:17].

Абсолютно ясным является то, что с течением времени сужается круг употребления некоторых слов, и они постепенно выходят из активного употребления. Под активным употреблением понимается свободное, стилистически не ограниченное использование языковых средств в живом повседневном общении в разных сферах литературного языка.

Любопытно, что активный словарь включает в себя относительно ограниченное число лексических единиц, поскольку для частного

употребления говорящим необходимы прежде всего такие языковые единицы, которые называют наиболее существенные для данного общества реалии, понятия и ситуации. «Медленно изменяющееся ядро активного словаря состоит из стилистически нейтральных единиц с развитой системой значений, высокой сочетаемостью и словообразовательной активностью» [ЛЭС, 1990:22]. Единица активного словаря играет чрезвычайно важную роль при выполнении языком своей главной функции – функции общения. Совокупность этих единиц свободно используется в спонтанной речи.

Обзор некоторых теоретических положений позволяет сделать вывод о том, что несмотря на, казалось бы, широкую изученность устаревшей лексики, до сих пор остается много открытых вопросов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапов Н.В. Пассивный словарь / Н.В. Арапов // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990. – С. 369
2. Ардентов Б.П. Общее языкознание. Вып. 1. Введение в языкознание : курс лекций / Б.П. Ардентов. – 4-е изд., испр. и доп. – Кишинев : Изд-во Кишинев. гос. ун-та, 1970–1971. – Вып. 1–3.
3. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. К.А. Долинина; ред. Е.Г. Эткинда; вступ. ст. Р.А. Будагова. – М. : Изд-во «Иностранная литература», 1961. – 393 с.
4. Белянская З.Т. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы) : автореф. дис. канд. филол. наук / З.Т. Белянская. – Л., 1978. – 13 с.

5. Вербицкая В.Г. Языковые средства создания колорита исторической эпохи в драматической повести «Иван Грозный» А.Н. Толстого / В.Г. Вербицкая // Вопросы русского языка, 1958. – Кн. 3. – С. 104–131.
6. Гельгардт Р.Р. Некоторые вопросы теории и практики изучения языка и стиля писателей / Р.Р. Гельгардт // Вопросы языкознания. – 1958. – №3. – С. 110-120.
7. Ковалева Е.В. Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Ковалева. – М., 1996. – 11 с.
8. Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Г. Михайлова. – Киев, 1987. – 19 с.
9. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи / С.И. Ожегов. – М. : Изд-во «Наука», 1974. – 500 с.
10. Рогожникова Р.П. Редкие слова в произведениях авторов XIX в. / Р.П. Рогожникова // Вопросы языкознания. – 1982. – № 1. –
11. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917-1926) / А.М. Селищев. – Изд. 2-е. стер. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 248 с. – (Лингвистическое наследие XX века).
12. Смирницкий А.И. Объективность существования языка : материалы к курсам языкознания / А.И. Смирницкий ; под ред. В.А. Звегинцева. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1954. – 33 с.
13. Сороколетов Ф.П. Пассивный словарь / Ф.П. Сороколетов // Русский язык : Энциклопедия. – М., 1979. – С. 199.
14. Цветаева М. Пленный дух / М. Цветаева // Москва. – 1967. – №4. – С. 130-139.

15. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии Древнерусский период : учеб. пособие / П.Я. Черных. – М. : Изд-во. Моск. гос. ун-та, 1956. – 244 с.
16. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский – 2-е изд. – М. : Изд-во «Просвещение», 1972. – 327 с.
17. Шестакова Н.А. Архаическая лексика современного русского языка по данным толковых словарей XVIII – XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Шестакова. – Брянск, 1999. – 21 с.